

Бражников И.Л.

**Историософский текст русской революции в
художественной литературе и публицистике
XX века**

**Москва
Издательство Нобель Пресс**

УДК 81
ББК 81
Б87

Б87 **Бражников И.Л.**
Историософский текст русской революции в художественной литературе и публицистике XX века / Бражников И.Л. – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: Издательство Нобель Пресс, 2013. – 477 с.

ISBN 978-5-458-57881-3

В монографии предложено целостное рассмотрение русского историософского текста, особо выделены его эсхатологическая стратегия и скифский сюжет, где наиболее тесно и показательно переплелись главные мотивы и темы литературы и общественной мысли России Нового времени. Автор видит скифский сюжет магистральным в русской культуре первой четверти XX века. Он приходит к заключению о том, что русская литература историософична. Общая смысловая динамика русского историософского текста: от эсхатологической идеи богоизбранности Русской земли через историософию Третьего Рима к усилению эсхатологического напряжения к концу XIX века, которое разрешается революцией. Революция – это апокалипсис (откровение) русской истории, смысл которого предстоит ещё осознать. Книга адресована филологам, историкам, культурологам, преподавателям русской литературы и отечественной истории, студентам, а также всем интересующимся русской культурой, литературой XX века, интеллектуальной историей России.

ISBN 978-5-458-57881-3

© Издательство Нобель Пресс, 2013
© Бражников И.Л., 2013

БРАЖНИКОВ И. Л.

**ИСТОРИОСОФСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ XX ВЕКА**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
1. Постановка проблемы. Понятие «историософский текст».....	6
2. Понятие «историософский текст русской революции» в художественной литературе и публицистике.....	20
ЧАСТЬ I. РУССКИЙ ИСТОРИСОФСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ:	34
ЭСХАТОЛОГИЯ И УТОПИЯ	34
Глава 1. Эсхатологическая топика русского историософского текста.....	34
1.1. «Новые люди» Русской земли и «последние времена».....	34
1.2. Эсхатология Третьего Рима (послания инок Филофея).....	44
Глава 2. Христианская апокалиптика и утопия Нового времени.....	59
2.1. Хилиазм и утопизм как модусы эсхатологии	59
2.2. Традиция и признаки Модерна в историософском тексте XVII века	63
2.3. Пространство и время утопии в «Повести и взыскании о граде сокровенном Китеже».....	69
Глава 3. Понятие «революция» в историософском тексте	75
3.1. «Революция» и «Апокалипсис»: историческая морфология понятий	75
3.2. Апокалиптизм александровской эпохи и зарождение революционного движения в России («Православный катехизис» С.И. Муравьёва-Апостола).....	78
Глава 4. «Просвещенный эсхатологизм» конца XVIII-первой трети XIX вв.	85
4.1. Консервативная стратегия Н.М. Карамзина	85
4.2. «Великий апокалиптический синтез»: утопия П.Я. Чаадаева.....	92
4.3. Утопия православного просвещения Европы (В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков).....	98
Глава 5. Консервативная утопия и её модусы.....	100
5.1. Иронический модус (историософема «возвращение домой» в повести А.С. Пушкина «История села Горюхина»).....	100

5.2. Героико-патетический модус («Возврат к истокам» в историософской поэзии К.С. Аксакова)	117
5.3. Метафора почвы: от идиллического модуса к драматическому.....	121
Глава 6. Истоки апокалиптизма рубежа XIX-XX веков.....	131
6.1. Достоевский: «человек Апокалипсиса»	131
6.2. Государство и революция в историософском тексте второй половины XIX в.	135
6.3. Переводная богословская литература: хилиастические мотивы	146
6.4. Утопическая апокалиптика Вл.С. Соловьёва и её источники.....	149
6.5. Историософский поэтический цикл Вл. Соловьёва: литературные и внелитературные источники	155
6.6. К.Н. Леонтьев: историософия как «патолого-эсхатология»	165
Итоги (часть I)	172
ЧАСТЬ II. СКИФСКИЙ СЮЖЕТ В ИСТОРИОСОФСКОМ ТЕКСТЕ	177
Глава 7. Литературная группа «Скифы» (1916 – 1925) в перспективе скифского сюжета	177
7.1. Понятие «скифства»	177
7.2. «Великая Скуфь» и «дикие скифы».....	186
7.3. «Скифская война».....	192
7.4. Скифы и «Русский характер» (Н.И. Гнедич, А.С. Пушкин)	197
Глава 8. Скифский сюжет и просвещенческие концепции «естественного человека» и «естественного народа»	201
8.1. Романтическая концепция народности.....	201
8.2. Скифская идиллия (В.В. Капнист, В.Г. Тепляков).....	205
8.3. «Скифство» и «номадизм»: Скифы, Цыгане и Казаки	207
Глава 9. Скифство, скитальчество и почвенничество	211
9.1. Романтический скиталец и скифы	211
9.2. «Скифство» как «почвенничество» («Родина» М. Ю. Лермонтова).....	214
9.3. Скифство и почвенничество (Ап. Майков и Ап. Григорьев).....	217

9.4. Русский почвенный социализм А.И. Герцена	225
Глава 10. «Скифы» XX века	230
10.1. Скифский сюжет в научной литературе и публицистике второй половины XIX века	230
10.2. Скифский сюжет в поэзии А. Фета, Д. Мережковского, Вяч. Иванова, К. Бальмонта и В. Брюсова	232
10.3. Русские скифы А.А. Блока	244
Глава 11. Скифский сюжет и скифский период в творчестве С.А. Есенина (1917-1923)	248
11.1. Романтические метафоры истории в ранней лирике Есенина (1914-16)	253
11.2. Утопический модус: Византия скифскими глазами (образы истории в «Ключах Марии»)	255
11.3. Трагический модус: лирическая драма «Пугачёв» (1921)	265
Итоги (часть II)	272
ЧАСТЬ III. ЖАНРЫ И МОДУСЫ АПОКАЛИПТИКИ В ИСТОРИОСОФСКОМ ТЕКСТЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	274
Глава 12. Трагический модус: революционный апокалиптизм начала XX века	274
12.1. «Апокалипсис» как жанр в публицистике начала XX века	274
12.2. Апокалиптическая публицистика декадентов	286
12.3. Русская литература и русская революция	291
12.4. Апокалипсис Василия Розанова	299
Глава 13. «Мистическая поэма» как жанр историософского текста	301
13.1. «Поэтическая историософия» и «историософская поэзия»	301
13.2. Образы истории в поэме А.А. Блока «Двенадцать» и стихотворении М.А. Волошина «Северовосток»	310
13.3. Семантика победы над смертью в сюжетной композиции поэмы «Двенадцать»	320

13.4. Генеалогия образа Иисуса Христа в поэме «Двенадцать»	328
Глава 14. Драматический модус: антиутопия как жанр историософского текста	344
14.1. Утопический хронотоп и апокалипсис «реализованной утопии»	344
14.2. Антиутопический Новый Иерусалим в романе «Мы».....	347
14.3. Эсхатологический комментарий к тексту антиутопии («Апокалипсис нашего времени» и роман «Мы»).....	350
Глава 15. Сатирический модус художественной апокалиптики («Роковые яйца М.А. Булгакова и «Третий Рим» Г.В. Иванова).....	355
15.1. «Преображенский архетип» и Революция.	355
15.2. Сатира и апокалипсис в повести «Роковые яйца».....	359
15.3. Бестиарий и азбуковник в тексте повести «Роковые яйца»	364
15.4. «Морозный бог» и Яблочный Спас.	368
15.5. «Третий Рим» и петербургский Содом в романе Г. Иванова	371
Глава 16. Эсхатологический хронотоп в повести В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой».....	384
16.1. Эсхатология Матёры: живые и мёртвые	384
16.2. Гибель Матёры: изгнание из рая или жертвоприношение?	391
16.3. Эсхатологическое время повести «Прощание с Матёрой»	395
16.4. Образ царского лиственя: историософское измерение.....	398
16.5. Утопический хронотоп и «конец истории»	403
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	409
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	412
Источники	412
Литература	418
ПРИМЕЧАНИЯ	446

ВВЕДЕНИЕ

1. Постановка проблемы. Понятие «историософский текст»

В ходе изучения истории русской литературы XX века мы сталкиваемся с задачей раскрытия феномена Революции, который получает многостороннее освещение – с одной стороны, в историософской и социально-политической публицистике, с другой – в художественных текстах. В исследовательской практике и в преподавании эта проблема решается посредством обращения к историософским идеям, к философским источникам, которые могли оказать влияние на поэтов и писателей. Однако такой подход обнаруживает очевидные несовершенство и неполноту. В художественные тексты всегда включены историософские концепты, несводимые к отдельным «идеям», высказываемым в публицистике. С другой стороны, политические, философские, историографические тексты (в особенности касающиеся темы революции), как правило, наделены художественностью. Отсюда возникла необходимость выработать **метод**, который позволял бы преодолеть непродуктивное противопоставление историософии и художественной литературы, не разводить две эти области, но рассматривать их в общей плоскости. Эта задача соответствует актуальным разработкам в области теории истории и нарратологии, где практикуется выявление «метаисторического» и «металингвистического» уровня текстов, анализ «метанарративов» и т. д.

Согласно устоявшемуся мнению, историософская проблематика впервые системно была представлена в «Философии истории» Г.Ф. Гегеля¹. Не удивительно поэтому, что интерес к историософии приходит в Россию вместе с гегельянством в 30-е годы XIX столетия². Одновременно с этим в творчестве русских поэтов – К.С. Аксакова, В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, А.С. Хомякова и некоторых других – появля-

ются тексты, которые в настоящее время рядом исследователей определяется как «историософская поэзия».

В конце XIX – начале XX веков, когда на историко-филологических факультетах Петербургского и Московского университетов складываются научные школы, историософия становится одним из приоритетных направлений. Важно отметить, что московская школа историков формировалась вокруг университетских профессоров и на словесно-историческом факультете Московских высших женских курсов под руководством профессора В.И. Герье. Сам Владимир Иванович Герье известен не только как основатель этих курсов (ныне Московский педагогический государственный университет), но и как автор работ, непосредственно касающихся историософии³. Его ученик, известный историк Н.И. Кареев, автор книг по философии истории и историософской проблематике в русской литературе⁴, вспоминал, что научные вопросы профессор Герье «ставил широко, идейно, с философским уклоном»⁵. Такой подход был характерен и для коллеги В.И. Герье, профессора В.О. Ключевского, лектора по отечественной истории на Московских женских курсах с момента их основания⁶. Можно сказать, что традиции философского отношения к истории и историософского – к литературе были изначально заложены В.И. Герье, В.О. Ключевским, их учениками (Р.Ю. Виппером, Н.А. Кареевым, М.С. Корелиным и др. – всеми профессорами «московской школы историков») в созданном их усилиями университете – МВЖК (2-й МГУ, МГПИ им. В.И. Ленина, ныне – МПГУ).

Эти традиции после периода негласного «запрета» на исследование широкого круга проблем взаимодействия литературы и публицистики с историей и философией были возобновлены в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века на кафедре советской литературы (ныне – кафедра русской литературы и журналистики XX-XXI веков МПГУ). Именно в этот период историософскую проблематику русской литературы XX века на системной основе начала исследовать Л.А. Трубина⁷ (ныне – заведующая кафедрой). Итогом стала

докторская диссертация, защищенная в 2000 году⁸. Историсофская доминанта художественной литературы и в настоящее время является одним из приоритетных направлений в работах исследователей кафедры⁹. В рамки данного научного направления вписывается и наша работа.

В качестве терминов при характеристике русской мысли понятия «историсофия», «историсофский», «историсофический» активно использовались философами русской эмиграции¹⁰. Традиционно историсофию трактуют как целостную концепцию истории на основе определенного миропонимания¹¹. Однако, как мы увидим, это не единственно возможное определение. Его главный недостаток в том, что так понимаемая историсофия ничем не отличается от **философии истории**. Действительно, в конце XIX – первой половине XX века термины «историсофия» и «философия истории» употреблялись как синонимы. Н.И. Кареев различал философию истории как систему представлений о движущих силах и смысле исторического процесса и историсофию как «общее подготовление философии истории», «общие принципы философствования в истории»¹². Современный философский словарь даёт следующее определение: историсофия – концепция философии истории, созданная как целостное постижение вариативности и преемственности конкретных исторических форм с точки зрения раскрытия в них универсального закона или **метаисторического** смысла¹³. Современный историк В.А. Кошелев называет историсофию «особенной наукой». Он считает, что: «Историсофия – это интуитивное переживание судеб народов, эстетическое и этическое осмысление основ их исторического бытия, отыскание «корней» и прозрение будущей «судьбы»¹⁴. К.Г. Исупов также настаивает на том, что историсофия – это эстетическое переживание истории. С XIX в., пишет он, идет эстетизация истории в русской мысли, эстетизация материи факта, события, процесса, эстетическая мотивация поступков и т.д.¹⁵ Р.Ф. Юсуфов дополняет эту мысль: «Эстетическое постижение истории принципиально нерационалистическое <...> оно вводит в историю экспрессию Откровения,

выявляет интеллектуальные и духовные аспекты истории»¹⁶. В этом же ключе Н.В. Зайцева, автор фундаментального философского исследования, определяет историософию как **метафизику истории**: «Основным полем, на котором работает большинство историософов, являются некие глубинные структуры, своего рода архетипы нашего исторического понимания, можно сказать, что это своеобразная **метафизика** исторического разума»¹⁷.

На наш взгляд, ключевой в этих определениях является приставка *мета-* со значением *за-, через-, сквозь-* в словах «**метаистория**», «**метафизика**». Мы можем говорить об историософии только тогда, когда, во-первых, есть целостный взгляд на историю, понимание ее как целого. А такое понимание, во-вторых, неизбежно оказывается пограничным – выходящим за рамки как собственно исторической науки, так и философии. Поэтому при определении историософии закономерно возникают такие понятия, как *метафизика* и *мета-история*.

В XX веке в науке, с одной стороны, продолжалось конструирование развернутых историософских систем (О. Шпенглер¹⁸, А. Тойнби¹⁹, С. Хантингтон²⁰, в нашей стране – Л.Н. Гумилёв²¹), с другой – звучала и безапелляционная критика историософии, поскольку ведущими отраслями философско-исторического знания становятся критическая и аналитическая философия истории, «метаистория», или «новая интеллектуальная история». Вот, например, вполне репрезентативное высказывание известного советского медиэвиста А.Я. Гуревича: «Историософия любого толка глубоко дискредитирована, - полагал он, - и историческая наука перестает быть пленницей цельнонатянутых априорных метафизических конструкций. Историки провозглашают Декларацию независимости своего ремесла»²².

Между тем, это вовсе не означает, что сами историки полностью свободны от «априорных» историософских представлений, довлеющих им: «По-видимому, в каждом историческом описании реальности действительно существует нередуцируемый идеологический компонент»²³. Так или иначе, ис-

торик должен иметь представление о том, *как движется* история, *кто* или *что* является субъектом исторического процесса, *что именно* позволяет произойти тем или иным изменениям, которые обозначаются как исторические. Эти позиции в последнее время как раз и стали основной проблематикой так называемой «критической» истории. Хейден Уайт в своей книге «Метаистория» (1973), ставшей интеллектуальным бестселлером в 70-е гг., выделяет следующие первичные вопросы, отвечать на которые обязан историк, чтобы «собрать историю»: «Это вопросы типа: что случится потом? Как это произошло? Почему это произошло таким, а не иным образом? Как всё это вышло в конце? Эти вопросы определяют повествовательные тактики, которые в конструировании своей истории должен использовать историк»²⁴. Но эти вопросы, в свою очередь, определяются другими, вопросами более структурообразующего характера: «к чему это сводится? В чем смысл всего этого?» А это уже с необходимостью предполагает **историософский подход**.

Таким образом, историософия необходима. Игнорирование историками историософского знания может быть связано с тем, что, как считает Н.В. Зайцева: «Проблема смысла судьбы и назначения национальной истории» может не слишком волновать людей, которые живут в обществе с устойчивой национально-исторической традицией. Они, как правило, довольствуются непосредственным историческим сознанием и не нуждаются в историософском оправдании своего места в этом мире <...> Возможно поэтому у классиков английской и французской философии практически отсутствует тяга к историософским построениям, особенно национально ориентированным»²⁵.

Пожалуй, можно согласиться с Зайцевой, которая видит в борьбе *pro et contra* историософии противостояние «романтически-консервативных» и либерально-экономических установок²⁶. Либеральная политическая философия и неоклассическая экономическая теория, основанные на отказе от какой бы то ни было метафизики, считаются общепризнанными в современных запад-